

УДК 101.1:316
ББК 87.3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

С.А. Храпов

Социальная память и общественное сознание рассматриваются как значимые феномены, во многом определяющие динамику духовной жизни современного российского общества. Дается анализ аспектов взаимодействия социальной памяти и общественного сознания, раскрывается сопряженность их динамики с кризисными явлениями культурной и общественной жизни.

Ключевые слова: социальная память, общественное сознание, постсоветская Россия, социально-философский подход, эссенциализм, номинализм, аспекты взаимодействия, индивидуальная память, индивидуальное сознание, социокультурный кризис, социальная структура, общество.

Специфика социально-философского подхода к взаимодействию социальной памяти и общественного сознания постсоветской России, раскрывается, на наш взгляд, в сочетании эссенциалистской и номиналистской парадигм. Как известно, в социальном познании под эссенциализмом и номинализмом понимаются альтернативные методологические установки, первая из которых рассматривает социальные явления через понятие сущности как имманентности, вторая же рассматривает сущность через категории структурно-функциональных отношений социального явления с другими социальными явлениями. Мы убеждены, что при анализе данной проблемы необходимо в качестве методологического инструментария использовать сочетание эссенциалистской и номиналистской парадигм, поскольку феноменальность социальной памяти требует, с одной стороны, осмысления ее природы и имманентных характеристик, а с другой – рассмотрения ее структурно-функциональных отношений с

динамикой социальной структуры и общественным сознанием.

На наш взгляд, можно выделить три основных аспекта взаимодействия социальной памяти и общественного сознания постсоветской России. Первый раскрывается посредством анализа механизмов соотношения объективированного содержания индивидуальной памяти и сознания с социальной памятью и общественным сознанием, второй – посредством анализа структурно-функциональных отношений социальной памяти с социогенезом и системными закономерностями общества. Третий же аспект раскрывается в непосредственном соотношении социальной памяти и общественного сознания.

Первый аспект взаимодействия социальной памяти и общественного сознания постсоветской России. Необходимость осмысления взаимодействия социальной памяти и общественного сознания посредством анализа индивидуального уровня их функционирования обусловлена самой гносеогенной природой данных феноменов, поскольку их содержания есть результат познания социальных субъектов, и в первую очередь человека. Индивидуальной памятью является психический процесс кодирования, хранения и актуализирования информации в соответст-

ющих отделах мозга. Данные процессы сочетают материальные и идеальные аспекты функционирования памяти. Материальный аспект раскрывается в нейрофизиологической динамике мозга, которая включает в себя все этапы его работы с информацией (ощущение, восприятие, мышление, актуализация/деактуализация «информационных центров»). Идеальный аспект проявляется в процессах смыслового понимания информации и соотношения ее с ценностным ядром и структурой личности в целом.

Социальная память также имеет материальные и идеальные аспекты функционирования, но, несмотря на гносеогенную сопричастность индивидуальной памяти и сознания, им имманентны иные качественные и количественные характеристики. Материальный аспект социальной памяти образуют нейрофизиологические механизмы знаковой и понятийной памяти индивидов, звуковая речь и материальные носители (книги, произведения искусства, технические средства хранения информации и др.). Идеальный аспект составляют смысловое содержание языка, культурных артефактов; система ценностей, ментальных установок, идентификационных стилей, поведенческих стратегий и образов, выражающих сущность духовной и социальной жизни общества и опосредующих жизнедеятельность индивидов из поколения в поколение.

Содержание социальной памяти охватывает весь социогенез и, кроме того, оно характеризуется объективностью (в смысле противопоставления субъекту) и в большей степени сопряжено с динамикой общественного сознания. Именно ограниченные когнитивные возможности индивида по восприятию и хранению информации, а также незначительная продолжительность жизни по сравнению с жизнью общества обусловили необходимость формирования и функционирования социальной памяти.

В.П. Алексеев, исследуя этапы социантропогенеза, приходит к выводу, что «колоссальный объем накопленной на протяжении поколений информации явно несопоставим с объемом и структурой мозга современного человека, несмотря даже на выявленную исследованиями многих лет исключительную сложность этой структуры. Разрешение это-

го противоречия... происходит путем формирования в обществе особой информационной структуры – «коллективного мозга», который обеспечивает сохранение и передачу от поколения к поколению жизненно важной информации» (цит. по: [4, с. 159]).

Несмотря на колоссальную значимость роли социальной памяти в социогенезе, нельзя забывать о ее феноменологических основаниях, укоренных в духовной сущности человека и культуры. Именно человек (его познавательная и творческая активность) во многом формирует на протяжении истории содержание социальной памяти и сознания, определяет социокультурную фильтрацию и актуализацию/деактуализацию информации в общественном сознании на основе своих ценностных ориентаций.

Второй аспект взаимодействия социальной памяти и общественного сознания постсоветской России. Анализ взаимодействия социальной памяти и общественного сознания постсоветской России также возможен посредством осмысления структурно-функциональных отношений социальной памяти с социогенезом и закономерностями функционирования социальной системы. Данные отношения, на наш взгляд, следует рассматривать в вертикальном (историческом) и горизонтальном (современно-содержательном) планах.

Вертикальный план взаимодействия социальной памяти и общественного сознания в контексте социальной динамики. В своей известной работе «Третья волна» Э. Тоффлер выделяет три волны (стадии) развития общества и социальной памяти. Важнейшим фактором перехода общества и социальной памяти на новый уровень функционирования является создание инфосферы. Этап развития цивилизации XX века Э. Тоффлер назвал «Третьей волной». По его мнению, именно в этот период произошли качественные изменения в механизмах формирования социальной памяти и ее динамики: «Решительная демассификация, изобретение новых средств массовой информации, картографическая съемка земли спутниками, больничный контроль за лежащими пациентами с помощью электронных датчиков, компьютеризация корпоративных файлов (документов си-

стематического хранения) – все это означает, что мы подробнейшим образом регистрируем в записи деятельность нашей цивилизации. ...Использование компьютера расширяет возможности использования памяти, помогает организовывать или синтезировать крупные информации в когерентные модели реальности, а также далеко раздвинуть границы возможного» [7, с. 297]. Выводы Э. Тоффлера позволяют говорить о том, что в этот период изменились механизмы отношений индивидуальной и социальной памяти, индивидуального и общественного сознания, социальной памяти и общественного сознания.

Достоинством концепции Э. Тоффлера является не просто констатация факта увеличения объема социальной памяти в процессе социально-исторического развития, но и раскрытие ее качественных преобразований и механизмов. Он справедливо отмечал, что социальная память – это не только фиксирование информации, но и ее востребованность, а следовательно, и актуализирование в общественном сознании. Причем сами процессы актуализирования информации опосредованы социально-культурными и социально-политическими обстоятельствами (проблемы дешифровки древних текстов, различные методологические установки культурологической интерпретации смыслового содержания артефактов культуры, влияние политической конъюнктуры и идеологии).

Эволюции социальной памяти и общественного сознания во многом синхронны, но ни в коем случае не тождественны. Общественное сознание черпает необходимую информацию из социальной памяти и в то же время поставляет в нее новую информацию. Следует помнить, что содержанием общественного сознания является то, что зафиксировано, «о-сознано» обществом в настоящее время, в конкретный исторический период его существования; именно поэтому социальная память обладает значительно большим информационным объемом, включая в себя уровни актуальной памяти, социального и коллективного бессознательного. Изменение структуры социальной памяти неизбежно сопровождается изменением структуры общественного сознания, и наоборот. Ярким примером может послужить отношение к рели-

гии в российском обществе в советский и современный периоды. В эпоху «расцвета социализма» носителем религиозного сознания было сравнительно небольшое количество населения. Государство делало все для того, чтобы стереть из социальной памяти народа всякое религиозное знание, религиозную культуру и веру. Происходили угнетение религиозной формы общественного сознания и деактуализация религии в социальной памяти. Современный религиозный ренессанс вызвал расширение религиозной формы общественного сознания, о чем свидетельствует заявленная принадлежность большинства населения России к тем или иным конфессиям. Наряду с традиционными для России религиями активно развиваются протестантизм и восточные религиозно-этические системы. Религия стала предметом исследования большого числа ученых, открылись богословские и теологические отделения в вузах, печатается огромное количество религиозной литературы, восстанавливаются храмы и предметы культа, то есть происходит актуализация религиозного знания и опыта в недрах социальной памяти и социального бессознательного.

Итак, в вертикальном плане социальная память представляет собой передаваемую в ходе социоантропогенеза посредством социокультурных механизмов значимую информацию, выражающую динамику общественного и индивидуального сознания, объективного и субъективного типов реальности.

Горизонтальный план взаимодействия социальной памяти и общественного сознания в контексте социальной динамики. Для осмысления горизонтального плана взаимодействия социальной памяти и общественного сознания, на наш взгляд, необходимо рассмотреть динамику социальной системы, закономерности функционирования которой лежат в надличностной плоскости общественного бытия. Значительным потенциалом рациональности в исследовании данного аспекта обладают аутопойетическая концепция общества (Ю. Хабермас, Н. Луман), а также теории социальной повседневности (П. Бурдьё, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Э. Гидденс). В этих концепциях отстаивается идея отказа от установок биологического редукционизма (Г. Спенсер, теории социологи-

ческого психологизма, и пр.) и проводится мысль о существовании объективных средств сохранения, самоописания и самовоспроизведения социальной реальности. Так, Н. Луман рассматривает общество как то, что может описывать себя и в своих описаниях отличать себя от всех остальных социальных систем и уровней социального бытия [5]. По его мнению, именно на стыке самоописания и саморазличия формируется социальная реальность. Основой для данного самоописания и саморазличия является информация, выраженная в системе общественной коммуникации. По Н. Луману, именно коммуникации производят и воспроизводят социальную систему.

Для нас выводы Н. Лумана представляются весьма ценными. Рассматривая динамику общества через категории «информация» и «коммуникация», он тем самым утверждает значимость социальной памяти как «общественного хранилища» информации и ее непосредственную взаимосвязь с общественным сознанием как «информационным полем», выражающим на определенном этапе развития социальной системы наиболее ценные и актуальные коммуникации и дискурсы. Концепции повседневности П. Бурдьё, П. Бергера и Э. Гидденса в качестве объективных средств сохранения, самоописания и самовоспроизведения социальной реальности рассматривают систему хабиитуализации. *Habitus* – это система укорененных в социальной реальности предрасположенностей и предпочтений, сформированная в результате практики повседневности. В качестве самостоятельного феномена хабиитуализация (опривычивание) формирует повседневную реальность и опосредует структуру социализации. Данной системе индивиды подчиняются в целом неосознанно, поскольку *habitus* – результат исторической практики социального взаимодействия и основа для взаимодействия в будущем. По мнению П. Бурдьё, *habitus* обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который существует в каждом организме в форме схем восприятия мыслей и действия и «гарантирует» правильность практик и их постоянство во времени. П. Бурдьё, П. Бергер и Э. Гидденс признают существование социальной памяти как имманентного

элемента любой социальной системы [1; 2; 3]. Э. Гидденс социальную повседневность интерпретировал посредством категории «рутинизация».

Социальная реальность повседневности непосредственно находит выражение в горизонтальном плане соотношения социальной памяти и общественного сознания. Элементы хабиитуализации и рутинизации содержатся в социальной памяти, выражают и опосредуют динамику общественного сознания и общества как саморазвивающейся системы. Выводы представителей структуралистского направления социальной философии интересны в том плане, что позволяют рассматривать объективный характер динамики общества, функционирования социальной памяти и общественного сознания. Их концепции раскрывают тот уровень социальной реальности, который сформировался как результат объективных системно-структурных закономерностей социальной динамики, опосредующих деятельность социальных субъектов. Данная идея весьма актуальна для анализа трансформации общества и общественного сознания постсоветской России. «Исторические вызовы», стоящие перед ней, требуют многоаспектного и глубокого понимания механизмов социального развития, которое возможно в случае избегания той или иной версии редукционизма.

Итак, в горизонтальном плане социальная память включает в себя часть социально-значимой информации, передаваемой с обратной связью в единовременной плоскости от индивида к группе и обществу, опосредованной объективными механизмами функционирования социальной системы и динамикой общественного сознания.

Третий аспект взаимодействия социальной памяти и общественного сознания постсоветской России. Социальная память постсоветского российского общества аккумулирует в себе исторический опыт развития российской цивилизации, воплощенный в материальных носителях культуры (древние тексты, книжные и периодические издания, музейные и коллекционные экспозиции, исторические памятники архитектуры и др.), а также идеально зафиксированный в индивидуальной и групповой памяти, социальном и индивидуальном бес-

сознательном, менталитете. Весьма важным является вопрос об оценке фактов исторического опыта в общественном сознании. Стоит отметить ее опосредованность принадлежностью индивида к элитарной или массовой группе, а следовательно, к элитарному или массовому типу сознания. Оба типа оценок характеризуются в целом низким уровнем объективности, но обусловлены различными причинами. Если оценка фактов исторического опыта в сознании и памяти элитарных политических и научных групп в большей степени predetermined политической конъюнктурой и идеологией, то в сознании и памяти основных масс населения она опосредована стереотипами, ментальными поведенческими установками и архетипическо-мифологическими образами, укорененными в социальном бессознательном.

Рассмотрение взаимодействия социальной памяти и общественного сознания требует, на наш взгляд, анализа ее советского и постсоветского содержания. Советский исторический опыт представлен в актуальном уровне социальной памяти, наиболее сопряженном с динамикой общественного сознания, за исключением тех его элементов, которые основываются на архетипическо-мифологическом опыте российского народа (например, сакральный образ власти и ее носителей). Советский исторический опыт – это не только недавнее прошлое, но во многом и настоящее, ибо ментальность, адаптационные стратегии и идентификационные стили большинства населения, включая и элитарные группы, сформированы в советскую эпоху, именно поэтому российская современность носит «постсоветский» характер. В актуальном уровне социальной памяти представлена информация о настоящем. При этом необходимо помнить, что оценка настоящего и его социально-культурная «фильтрация» также обусловлены историческим опытом, заключенным в социальной памяти. Трактовки событий настоящего в общественном мнении, общественном сознании и, соответственно, в актуальном уровне социальной памяти зачастую являются взаимоисключающими (например, оценка событий настоящего в политических и олигархических кругах су-

щественно отличается от их оценки широкими слоями населения постсоветской России [6]).

В актуальном уровне социальной памяти фиксируется основное содержание общественного сознания, наиболее значимые явления общественной жизни. Учитывая, что ни одно исследование не может в полном объеме охарактеризовать все содержание общественного сознания и социальной памяти, мы остановимся на нескольких явлениях, заключающих в себе, на наш взгляд, огромный деструктивный потенциал.

Структурно-функциональные характеристики взаимодействия социальной памяти и общественного сознания постсоветской России во многом обусловлены становлением информационного общества. Как известно, для этого типа социальности свойственна сверхценность информации, ставшей поистине «двигателем социального развития». Век информации не только колоссально увеличил информационные объемы общественного сознания и социальной памяти, что существенно сказалось на социогносеогенных механизмах их взаимодействия, но и предоставил качественно новые средства производства, хранения и передачи информации. Символы постиндустриальной эпохи: компьютер и Интернет – представляют собой информационные системы, сам факт существования которых ставит вопросы о феноменологическом и социально-онтологическом статусе общественного сознания. В общественном сознании постсоветской России парадоксально сочетаются ценностное восприятие информации, поскольку конструктивная социализация требует от человека знания и владения как можно большим объемом информации для более успешного ориентирования в социальной среде, с «девальвацией», «десакрализацией» информации в том смысле, что доступ к ней посредством новых технических средств фиксации социальной памяти в целом упростился для широких масс (вспомним, как «сакрально» относились в Средневековье к книгам и библиотекам). При всем этом справедливость требует отметить, что значительная часть населения до сих пор отчуждена от значительных информационных потоков, тем более от информации осо-

бо социально значимого содержания. Данная ситуация обостряет вопрос о соотношении элит и масс в общественной жизни, элитарного и массового типов сознания, а также девальвации правовых ценностей.

Также значимой чертой информационной эпохи является ослабление контроля над «социокультурной фильтрацией» и фиксацией информации в социальной памяти. Огромные объемы информации, содержащейся в общественном сознании, невозможно объективно оценить и зафиксировать в социальной памяти посредством традиционных социокультурных институтов.

Помимо демократических преимуществ, данная ситуация содержит множество негативных черт. Большое количество деструктивной информации фиксируется в социальной памяти и становится доступно основным массам населения. Особенно сильно это проявляется в Интернете, где социальный контроль полностью отсутствует.

Наряду с «гиперинформационностью», масштабное явление общественной жизни постсоветской России, зафиксированное в общественном сознании и социальной памяти, представляет собой «гипериндивидуализм», также сопряженный с тенденциями социокультурного кризиса. В отличие от советской эпохи, индивидуальные и групповые типы памяти в постсоветской России характеризуются большей степенью «субъективности» в смысле удаленности от единой «объективной трактовки» социокультурной реальности, ее прошлого, настоящего и будущего. Эта ситуация обусловлена не только «маршем индивидуализма», способствующим социальной атомизации, но и глубоким социокультурным кризисом, который переживает не только Россия, но и весь мир. Десакрализация культуры социально компенсируется псевдорелигиозностью, культом фэнтези, возникновением новых субкультур, а следовательно, и новых типов групповой памяти. «Одномерность потребительского общества», его «системный догматизм» (М. Штирнер, Э. Фромм, Г. Маркузе) побуждают личность отстаивать свою субъективность посредством присваивания «независимого», «внесоциального» статуса (эмо, готы, геймеры и др.).

Социокультурный кризис в общественной жизни и общественном сознании также проявляется в отказе от традиционных идентификационных образов и стилей, зафиксированных в социальной памяти (значимыми идентификационными образами стали образ «успешного» человека, успех которого измеряется уровнем финансовой состоятельности, и даже образы криминальных авторитетов). В социальной памяти активно фиксируются новые ценности, идентификационные стили и адаптационные стратегии (индивидуализма, потребления, гедонизма, бодицентризма), уже укорененные в общественном сознании постсоветской России.

Таким образом, взаимодействие социальной памяти и общественного сознания постсоветской России реализуется на трех уровнях их функционирования: субъективном, социально-структурном и социокультурном. Соответственно, для комплексного социально-философского осмысления их сущности и аспектов взаимодействия необходимо сочетание четырех типов анализа: социально-антропологического, социально-онтологического, социально-гносеологического и социокультурного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые; пер. с фр. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетей ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2001. – 562 с.
2. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практика / П. Бурдые; пер. с фр. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетей ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2005. – 576 с.
3. Гидденс, Э. Устройство общества : Очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. с англ. И. Тюрина. – М. : Академ. проект, 2005. – 528 с.
4. Колеватов, В. А. Социальная память и познание / В. А. Колеватов. – М. : Мысль, 1984. – 190 с.
5. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; под ред. Н. А. Головина; пер. с нем. И. Д. Газиева. – СПб. : Наука, 2007. – 641 с.
6. Рыбкина, Р. В. Эгалитаризм массового сознания населения России как показатель конфликтности общества / Р. В. Рыбкина // Общественные науки и современность. – М. : Наука, 2006. – № 5. – С. 75–82.
7. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 1999. – 784 с.

THE INTERACTION OF SOCIAL MEMORY AND SOCIAL CONSCIOUSNESS IN POST-SOVIET RUSSIA: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL APPROACH

S.A. Khrapov

The article highlights the interaction of social memory and social consciousness in Post-Soviet Russia period. Social memory and social consciousness are considered important phenomena in many aspects, determining the spiritual life dynamics of the modern country. The author analyzes the aspects of social memory and social consciousness interaction, reveals their dynamics association with the critical phenomena of cultural and social life.

Key words: *social memory, social consciousness, Post-Soviet Russia, social and philosophical approach, essentialism, nominalism, aspects of interaction, individual memory, individual consciousness, social and cultural crisis, social structure, society.*